МК XII.А.36
8 Агин
Дедушка.
Крылов
Спб., 1845

Е 45
О 371

ЭБ

МК XII.А.3в/8
Агин

ДѢДУШКА

КРЫЛОВЪ.

Книга для подарка дѣтямъ.

Съ портретомъ Крылова и картинками, изображающими сцены изъ его жизни.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
1845.

ДѢДУШКА
КРЫЛОВЪ.
1845.

ДѢДУШКА

КРЫЛОВЪ.

КНИГА ДЛЯ ПОДАРКА ДѢТЯМЪ.

Съ портретомъ Крылова и картинками, изображающими сцены изъ его жизни.

(Картинки рисованы г. Агинымъ; литографированы во французской литографіи Поля Пети.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1845.

ПЕЧАТАТЪ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С.-Петербургъ, 1845 года Апрѣля 5-го дня.

Цензоръ И. Ивановскій.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ К. КРАЙЯ.

ДѢДУШКА КРЫЛОВЪ.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Кто изъ васъ, дѣти, не читалъ басень *Крылова?* Я думаю, даже врядъ-ли найдется между вами такой, который не зналъ бы ихъ всѣхъ наизусть. Кромѣ этаго, кто изъ васъ не любитъ ихъ! Книга, гдѣ онѣ собраны, соединяетъ въ памяти вашей столько сладкихъ воспоминаній тѣхъ дней, когда вы впервые начали учиться читать и писать, дней, въ которые вы, можетъ

быть, еще находились посреди нѣжно любимыхъ родителей . . . Она доставляла вамъ тогда много счастливыхъ минутъ, много радостей и наслажденій...

Но безъ сомнѣнія, читая и перечитывая басни Крылова, вы не разъ мысленно неслись къ человѣку, который написалъ ихъ; не разъ приходило вамъ на умъ взглянуть на него, узнать кто онъ, и неоднократно прибѣгали вы къ родителямъ и наставникамъ, умоляя удовлетворить на этотъ счетъ ваше любопытство. — Мы прежде не исполняли этого долга, да притомъ и не имѣли достаточныхъ свѣдѣній о жизни любимаго вашего автора, потому-что считали ее еще неоконченною. Мы не

заботились собирать матеріалы для его біографіи, думая имѣть на это всегда достаточно времени,—какъ вдругъ Крылова нестало...

Зная, сколько должна быть драгоцѣнна для васъ память этого человѣка, я нарочно собралъ все, что могъ, о его жизни, чтобы какъ можно подробнѣе сообщить бумагѣ біографію Крылова и тѣмъ удовлетворить вашему любопытству; кромѣ этаго, я имѣю цѣлію познакомить васъ какъ можно короче съ соотечественникомъ, прославившимъ нашу литературу и занимающимъ одно изъ значительнѣйшихъ мѣстъ между русскими знаменитостями.

ГЛАВА I.

Рожденіе. — Осада Оренбурга Пугачевымъ. — Опасность, угрожавшая маленькому Крылову на пятомъ году возраста. — Смерть Андрея Прохоровича. — Какое наслѣдство оставилъ Крылову отецъ. — Какіе подарки дѣлала Крылову мать и какъ онъ ихъ употреблялъ. — Французскій Словарь. — Борьба съ французскимъ языкомъ, и какую хитрость употребила мать Крылова, чтобъ заставить его учиться по-французски. — Поступленіе на службу. — Переселеніе въ Тверь. — Переселеніе въ Петербургъ.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ родился въ Москвѣ, 2-го Февраля 1768-го года, за пять лѣтъ до появленія Пуга-

чева (1773), мятежника, о которомъ узнаете, когда будете учиться русской исторіи.

Въ то время, когда начались опустошительныя дѣйствія Пугачева, отецъ Крылова, Андрей Прохоровичъ, служилъ капитаномъ, подъ начальствомъ яицкаго (*) коменданта Симонова, и первый высланъ былъ противъ бунтовщика; потомъ содѣйствовалъ Симонову въ оборонѣ крѣпости, дѣлалъ неоднократныя вылазки, обращая въ бѣгство мятежниковъ. Пугачевъ былъ такъ озлобленъ, что поклялся повѣсить не только Симонова и Крылова, но и все семейство

(*) Яицкій городъ, нынѣ Уральскъ, въ Оренбургской губерніи.

послѣдняго, находившееся тогда въ Оренбургѣ; такимъ образомъ обреченъ былъ смерти и пятилѣтній ребенокъ, въ послѣдствіи славный русскій баснописецъ. — Къ счастію, замыслы злодѣя были уничтожены неудачною осадою Оренбурга; но осада эта продолжалась шесть мѣсяцевъ и много потерпѣли тогда жители отъ огня и голода. Въ числѣ осаждаемыхъ было, какъ я уже сказалъ, семейство Крылова, и маленькій Крыловъ, разумѣется, терпѣлъ общую тяжелую участь; но судьба сохранила его для славы Россіи. Послѣ усмиренія мятежа, отецъ будущаго писателя изъ воина сдѣлался предсѣдателемъ Тверскаго Губернскаго Магистрата.

Не долго однако суждено было маленькому Крылову пользоваться отцовскими попеченіями; Андрей Прохоровичъ скончался, оставивъ его на рукахъ Марьи Алексѣевны, матери двѣнадцатилѣтняго ребенка, которая сдѣлалась для него земнымъ провидѣніемъ, какъ бываютъ всѣ матери для дѣтей своихъ. Не смотря на ограниченныя средства, она старалась по возможности развивать способности сына; Андрей Прохоровичъ, вмѣсто денегъ, оставилъ сыну въ наслѣдство нѣсколько книгъ, тщательно собираемыхъ имъ во все продолженіе жизни. Маленькая эта библіотека лежала въ старомъ полуразвалившемся сундукѣ, въ пыли и безпорядкѣ. Марья Алексѣевна не замедлила вывести на

свѣтъ неприкосновенныя сокровища, желая возбудить въ сынѣ, съ малыхъ лѣтъ, любовь къ чтенію и занятіямъ. Нужно было видѣть, съ какою жадностію меленькій Крыловъ перелистывалъ эти книги, съ какимъ рвеніемъ учился онъ, желая въ свою очередь доказать матери свою любовь къ ней и признательнось. — Чтобы пріохотить еще болѣе сына къ ученью, Марья Алексѣевна награждала его гривною, каждый разъ, когда онъ прилежно читалъ съ нею въ положенные часы.

Въ тѣ времена деньги были очень дороги, и ихъ не тратили на пустяки, какъ это довольно часто случается теперь. Маленькій Крыловъ былъ весьма доволенъ подарками матери, и ког-

да сдѣлался владѣльцемъ нѣсколькихъ рублей, то считалъ себя богачемъ. Не думайте однако, чтобы онъ былъ корыстолюбивъ; напротивъ, онъ никогда не пряталъ денегъ, не скупился, но употреблялъ ихъ всегда на полезныя вещи. — Каждый разъ, какъ у него накоплялась маленькая сумма, онъ покупалъ себѣ новыя перчатки, картузъ, если старый былъ уже дуренъ, или наконецъ то, въ чемъ видѣлъ необходимость или пользу. — Онъ былъ чрезвычайно счастливъ, что могъ самъ доставать то, что другіе дѣти получаютъ отъ родителей, не употребляя на это никакихъ усилій. Мы всегда какъ-то болѣе дорожимъ тѣмъ, что пріобрѣтаемъ своимъ трудомъ, или своею

бережливостію, нежели тѣмъ, что достается намъ даромъ.

Съ каждымъ днемъ, любовь его къ чтенію возрастала болѣе и болѣе; онъ восхищался произведеніями другихъ, не воображая тогда, что со временемъ будетъ восхищать соотечественниковъ своими собственными произведеніями.

Въ числѣ драгоцѣннаго наслѣдства, находился французскій словарь, которымъ Крыловъ не замедлилъ воспользоваться для изученія этого языка; но французская грамота не такъ далась ему, какъ своя родная, хотя и бралъ онъ уроки у Француза, жившаго въ домѣ Тверскаго Губернатора. Онъ рожденъ

былъ человѣкомъ чисто-русскимъ, и потому къ его природѣ не легко прививалось иностранное. Ему скучно было читать на языкѣ мало знакомомъ. Онъ бѣгло повторялъ слова и фразы, которыя зналъ наизусть, перевертывалъ какъ можно скорѣе листы, и каждый разъ нетерпѣливо ожидалъ окончанія положеннаго для урока часа. Матушка его, можетъ быть, и догадывалась на какія хитрости поднимался ея сынокъ, но она дѣлала видъ какъ будто ничего не знаетъ и не замѣчаетъ, и продолжала заниматься съ нимъ французскими уроками. Ему наконецъ стало скучно бормотать безъ толку и связи заученыя фразы, притомъ, совѣсть говорила ему, что стыдно обманывать добрую мать,

— онъ рѣшился серьезно приняться за изученіе французскаго языка. Вотъ для чего онъ взялъ лексиконъ, началъ пріискивать въ немъ каждое незнакомое слово и такимъ образомъ скоро научился по французски.

Въ то время, т. е. въ царствованіе покойнаго Императора, Павла Петровича, на службу поступали въ весьма молодыхъ лѣтахъ. Крылову было всего 13 лѣтъ (1781 г.) когда его опредѣлили въ клязинской уѣздной судъ, подканцеляристомъ. Годъ спустя, получивъ чинъ, онъ оставилъ Тверскую Губернію, гдѣ провелъ первые годы своего дѣтства, и отправился вмѣстѣ съ матушкою въ Петербургъ, чтобы серьезнѣе продолжать службу. — Кромѣ этаго,

цѣль поѣздки Марьи Алексѣевны въ столицу состояла въ желаніи доставить сыну болѣе средствъ къ ученью, и усовершенствованію въ наукахъ и языкахъ, чего не могъ онъ достигнуть въ Твери.

ГЛАВА II.

Занятія Крылова въ Петербургѣ. — Первая опера. — Какую плату предлагалъ Брейткопфъ Крылову за оперу и какой онъ попросилъ. — Первая трагедія. — Совѣты Дмитревскаго. — Вторая трагедія. — Смерть матери. — Оперы и комедіи Крылова. — Какими журналами и сочиненіями занимался Крыловъ и какая цѣль была его трудовъ. — Отъѣздъ въ деревню съ княземъ Голицынымъ.

Первые два года пребыванія молодаго Крылова въ Петербургѣ, прошли въ безпрерывныхъ занятіяхъ; зная довольно основательно французскій языкъ,

онъ могъ уже безъ затрудненія предаваться чтенію знаменитѣйшихъ авторовъ Франціи.

На 16-омъ году отъ рожденія (1783 года) Крыловъ сочинилъ оперу: *Кофейница*, за которую тогдашній типографщикъ и любитель музыки Брейткопфъ предложилъ ему шестьдесять рублей ассигнаціями; но юный поэтъ вмѣсто денегъ взялъ у него сочиненія иностранныхъ классиковъ. Одинъ этотъ поступокъ доказываетъ вамъ до какой степени Крыловъ предпочиталъ пользу — прихотямъ, занятія — развлеченіямъ и праднымъ удовольствіямъ, потому-что обладая такою суммою, онъ могъ легко въ тогдашнее время удовлетворить многимъ своимъ прихотямъ.

Книги французскихъ классиковъ усилили въ немъ еще болѣе страсть къ драматической литературѣ; спустя нѣсколько мѣсяцевъ, онъ написалъ трагедію подъ названіемъ: *Клеопатра*, и не довѣряя себѣ въ такомъ трудномъ дѣлѣ, поспѣшилъ спросить о ней сужденіе у Дмитревскаго, знаменитаго въ то время трагическаго актера. — Дмитревскій чрезвычайно обласкалъ молодаго поэта, даже предложилъ давать ему уроки драматическаго искусства; но со всѣмъ тѣмъ заставилъ согласиться, что пьеса его не могла имѣть успѣха. Крыловъ не былъ самонадѣянъ; онъ зналъ, что еще былъ слишкомъ молодъ, что нуждался въ совѣтахъ, и потому еще ревностнѣе принялся за работу.

Вскорѣ написана была новая трагедія: *Филомела*; но и та имѣла одинаковую участь съ первой. Неудачны были первыя произведенія его для нашей сцены.

Многіе изъ васъ, претерпѣвъ такія неудачи, отказались бы отъ новыхъ попытокъ, упали бы духомъ; но Крыловъ нисколько не поколебался въ своемъ намѣреніи; разумѣется, ему было весьма непріятно, что онъ потерялъ по пустому время и труды; но онъ зналъ, что для достиженія совершенства необходимы усилія, и потому продолжалъ трудиться. Между тѣмъ на 18-омъ году отъ рожденія (въ 1785 г.), онъ имѣлъ несчастіе лишиться нѣжной своей матери, о которой всегда вспоминалъ какъ *о первой*

радости, о первомъ счастіи своей жизни.

Знакомство Крылова съ драматическимъ писателемъ Княжнинымъ и актеромъ Дмитревскимъ, заставило его продолжать одни занятія съ ними; но вмѣсто трагедій, сочинилъ онъ двѣ оперы и нѣсколько комедій. — Одна за другою появились: *Проказники*, комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ 1793 году, опера *Бѣшеная семья*, въ трехъ дѣйствіяхъ, въ томъ-же году; комедія *Сочинитель въ прихожей*, въ трехъ дѣйствіяхъ, въ 1794 году; опера *Илья Богатырь*, въ 1807; *Модная лавка*, въ трехъ дѣйствіяхъ, *Урокъ дочкамъ*, въ одномъ дѣйствіи, въ 1807 и 1816 годахъ. — Въ особенности замѣчательны — *Модная лав-*

ка, написанная на Французовъ, которые, живя въ нашемъ отечествѣ, пренебрегаютъ русскимъ языкомъ и коверкаютъ его по-своему, — что въ старину случалось довольно часто, — и *Урокъ дочкамъ*, гдѣ осмѣиваются всѣ, имѣющіе дурное обыкновеніе смѣшивать въ разговорахъ отечественный языкъ съ французскимъ и восхищаться безусловно всѣмъ иностраннымъ. Еще и теперь пьесы эти играются иногда на нашей сценѣ и публика всегда смотритъ на нихъ съ большимъ удовольствіемъ, какъ на живое и вѣрное отраженіе нравовъ, обычаевъ и предразсудковъ того любопытнаго времени...

Трудясь для театра, Крыловъ издавалъ разные журналы въ заведенной имъ типографіи. — *Почта духовъ* и *Зритель*

были главные изъ нихъ.— Первый заключаетъ въ себѣ много прекрасныхъ статей на щеголей, самолюбцевъ, дворянъ, основывающихъ свое достоинство только на древности рода, на корыстолюбцевъ, судей, игроковъ, мотовъ, и т. д.; второй издавался почти съ тою же цѣлію, *чтобы порокъ, представляемый во всей гнусности, вселялъ отвращеніе, а добродѣтель, изображаемая во всей красотѣ, плѣняла собою читателя* (*).

Въ этомъ журналѣ, выходившемъ каждый мѣсяцъ, Иванъ Андреевичъ Крыловъ училъ насъ любить болѣе всего Россію, и не быть похожими на обезь-

---

(*) Введеніе журнала: *Зритель*.

янъ, перенимая у Французовъ и Англичанъ, не то, что перенять у нихъ было для насъ и полезно и необходимо, но подражая имъ въ томъ, что, лишая самобытности, дѣлало насъ смѣшными карикатурами на Французовъ и Англичанъ. — Кромѣ журнальныхъ статей, Крыловъ написалъ еще въ то время нѣсколько одъ и посланій, которыя были напечатаны въ разныхъ нумерахъ *Санктпетербургскаго Меркурія* (*). Во то время Ея Императорское Величество Марія Ѳеодоровна, опредѣлила Крылова секретаремъ къ рижскому военному губернатору, князю Сергію Ѳеодоровичу Голицыну. — Та-

(*) Одинъ изъ журналовъ, въ которомъ участвовалъ Крыловъ.

кимъ образомъ нашъ поэтъ-журналистъ разстался съ своими собратіями. Но не суждено было его лирѣ умолкнуть. Въ слѣдствіе пребыванія его въ Ригѣ, появилась трагедія-шутка, подъ названіемъ «Трумфъ», написанная имъ на Нѣмцевъ. Всѣхъ забавнѣе въ ней роль картаваго, соперника героя пьесы; вотъ какимъ образомъ изъясняется онъ въ любви:

Старофаль, анкелъ мой! прелесна мой Княшонъ;
Штя бампалушна шасъ когда мой пудетъ жонъ,
Мой ноши весь не спитъ и серца польно пьется....

Вамъ дѣти, вѣроятно, случалось слышать иностранцевъ, коверкающихъ такъ нашъ языкъ, и вы вѣрно не утерпѣли, чтобъ не посмѣяться. Представьте же себѣ

какъ долженъ былъ быть смѣшонъ этотъ картавый чудакъ, который такъ говорилъ предъ множествомъ зрителей! Здѣсь я прибавлю вамъ маленькое наставленіе, хоть я и не люблю давать вамъ наставленій, а люблю, чтобъ вы сами понимали ихъ изъ того, что вамъ разсказываю. Учитесь хорошенько иностраннымъ языкамъ, если не хотите, заговоривъ по немѣцки или по французски, быть также смѣшными, какъ этотъ герой Крылова!

Князь Голицынъ, получивъ въ 1803 году увольненіе, уговорилъ своего сослуживца выйти также въ отставку и отправиться съ нимъ въ саратовскую деревню.

ГЛАВА III.

Возвращеніе въ Петербургъ. — Знакомство съ Алексѣемъ Николаевичемъ Олениннымъ. — Первая басня. — Басни, за нею послѣдовавшія. — Служба въ Публичной Библіотекѣ. — Высочайшая милость. — Какъ жилъ Крыловъ, занимая квартиру въ Публичной Библіотекѣ и какіе летали къ нему гости.

Въ 1807 году Иванъ Андреевичъ Крыловъ возвратился въ Петербургъ. Тогда, извѣстный нашъ драматическій писатель, князь Шаховской, познакомилъ его съ Алексѣемъ Николаевичемъ Олениннымъ, президентомъ Академіи Ху-

дожествъ, радушно принимавшимъ въ свой домъ нашихъ литераторовъ, художниковъ и ученыхъ.

Здѣсь, Крыловъ, ободренный на новомъ поприщѣ, началъ читать первыя свои басни, сочиненныя вѣроятно въ саратовской деревнѣ князя Голицына.

Первые его опыты въ этомъ родѣ были подражанія Лафонтену, и переводы басенъ знаменитаго французскаго баснописца. Но и въ переводахъ уже былъ видѣнъ великій талантъ Крылова; часто даже подражанія его не уступали самому подлиннику. Укажемъ на слѣдующія: *Дубъ и трость, Ворона и Лисица, Волкъ и ягненокъ, Два голубя, Крестьянинъ и смерть, Стрекоза и муравей.*

Приведемъ въ примѣръ первую басню, передѣланную Крыловымъ съ иностраннаго.

ДУБЪ И ТРОСТЬ.

Съ Тростинкой Дубъ однажды въ рѣчь вошелъ.
— «По истинѣ, роптать ты въ правѣ на природу»
Сказалъ онъ: «воробей, и тотъ тебѣ тяжелъ.
Чуть легкій вѣтерокъ подернетъ рябью воду,
Ты зашатаешься, начнешь слабѣть,
И такъ нагнешься сиротливо,
Что жалко на тебя смотрѣть.
Межъ тѣмъ, какъ, наравнѣ съ Кавказомъ, горделиво,
Не только солнца я препятствую лучамъ,
Но, посмѣваяся и вихрямъ, и грозамъ,
Стою и твердъ и прямъ,
Какъ будто бъ огражденъ не нарушимымъ міромъ:

Тебѣ все бурей — мнѣ все кажется зефиромъ.
Хотя бъ ужь ты въ окружности росла,
Густою тѣнію вѣтвей моихъ покрытой,
Отъ непогодъ бы я быть могъ тебѣ защитой;
Но вамъ въ удѣлъ природа отвела
Брега бурливаго Эолова владѣнья:
Конечно, нѣтъ совсѣмъ у ней о васъ радѣнья».
— «Ты очень жалостливъ»; сказала Трость въ
ответъ:
«Однако не крушись: мнѣ столько худа нѣтъ.
Не за себя я вихрей опасаюсь;
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь:
Такъ бури мало мнѣ вредятъ;
Едва ль не болѣе тебѣ онѣ грозятъ!
То правда, что еще доселѣ ихъ свирѣпость
Твою не одолѣла крѣпость,
И отъ ударовъ ихъ ты не склонялъ лица;
Но — подождемъ конца!»
Едва-лишь это Трость сказала,
Вдругъ мчится съ сѣверныхъ сторонъ
И съ градомъ, и съ дождемъ шумящій аквилонъ.

Дубъ держится, — къ землѣ Тростиночка припала.
Бушуетъ вѣтръ, удвоилъ силы онъ,
Взревѣлъ и вырвалъ съ корнемъ вонъ
Того, кто небесамъ главой своей касался
И въ области тѣней пятою упирался.

Басни Крылова, сравнительно съ произведеніями предшествовавшихъ писателей, обнаруживали столько достоинствъ, какъ относительно языка, такъ и относительно остроты, ума и изобрѣтательности, что не могли не обратить на себя общаго вниманія. Предвидя будущую славу даровитаго писателя, Алексѣй Николаевичъ Оленинъ присовѣтовалъ ему исключительно заниматься одними только *баснями*, и дать волю уму, принявшему это новое направленіе.

Нигдѣ, дѣти, не можете вы лучше выучиться родному языку, какъ въ басняхъ Крылова. — Читайте ихъ, читайте со вниманіемъ и вы поймете вполнѣ всю прелесть русскаго слова!

Вотъ вамъ два изъ числа лучшихъ произведеній безсмертнаго баснописца. Судите сами:

ТРИШКИНЪ КАФТАНЪ.

У Тришки на локтяхъ кафтанъ продрался.
Что долго думать тутъ? Онъ за иглу принялся:
По четверти обрѣзалъ рукавовъ —
И локти заплатилъ. Кафтанъ опять готовъ;
Лишь на четверть голѣе руки стали.
Да что до этого печали?
Однакоже смѣется Тришкѣ всякъ.
А Тришка говоритъ: «Такъ я же не дуракъ,

И ту бѣду поправлю:
Длиннѣе прежняго я рукава наставлю».
О, Тришка малый не простой!
Обрѣзалъ фалды онъ и полы,
Наставилъ рукава, и веселъ Тришка мой,
Хоть носитъ онъ кафтанъ такой,
Котораго длиннѣе и камзолы.

Такимъ же образомъ, видалъ я, иногда
Иные господа,
Запутавши дѣла, ихъ поправляютъ;
Посмотришь: въ тришкиномъ кафтанѣ щеголяютъ.

А вотъ и другая басня:

ДЕМЬЯНОВА УХА.

«Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуй-ста покушай.»

— «Сосѣдушка, я сытъ по горло.» — «Нужды нѣтъ,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!»
— «Я три тарелки съѣлъ.» — «И, полно, что̀ за счеты;
Лишь стало бы охоты, —
А то во здравье: ѣшь до дна!
Что за уха! Да, какъ жирна:
Какъ будто янтаремъ подернулась она.
Потѣшь же, миленькій дружочикъ!
Вотъ лещикъ, потраха, вотъ стерляди кусочикъ!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!»
Такъ подчивалъ сосѣдъ Демьянъ сосѣда Фоку,
И не давалъ ему на отдыху, ни сроку;
А съ Фоки ужь давно катился градомъ потъ.
Однако-же еще тарелку онъ беретъ:
Сбирается съ послѣдней силой,
И очищаетъ всю. «Вотъ друга я люблю!»
Вскричалъ Демьянъ: «за то ужь чванныхъ не терплю.

Ну скушай-же еще тарелочку, мой милой!
Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схватя въ охабку
Кушакъ и шапку, —
Скорѣй безъ памяти домой,
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

Писатель, счастливъ ты, коль даръ прямой имѣешь:
Но если помолчать во время не умѣешь,
И ближняго ушей ты не жалѣешь:
То вѣдай, что твои и проза и стихи
Тошнѣе будутъ всѣмъ демьяновой ухи.

Однѣ за другими появились: *Листы и Корни, Соловей, Гуси, Любопытный, Щука и Котъ, Квартетъ, Слонъ и Мось-*

ка, *Чижъ и Голубь*, *Крестьянинъ и Овца*. Уже и тѣ басни, которыя мы здѣсь исчислили, могли прославить Ивана Андреевича Крылова и обезсмертить имя его, какъ единственнаго въ своемъ родѣ писателя; но сколько другихъ, написанныхъ съ одинаковымъ искусствомъ, перейдутъ потомству!

Самъ Дмитріевъ, не признававшій до того равнаго себѣ въ этомъ родѣ, отдавалъ Крылову надъ собою преимущество, хотя и содѣйствовалъ къ развитію его таланта.

Въ то время Крыловъ былъ въ отставкѣ, имѣлъ много свободнаго времени для занятій. Онъ часто читалъ свои басни публично, въ засѣданіяхъ, происхо-

дившихъ у знаменитаго поэта Державина, и не разъ восхищалъ слушателей необыкновеннымъ даромъ разсказывать ихъ.

Когда наступилъ двѣнадцатый годъ, и открылась въ Петербургѣ Императорская Публичная Библіотека, Оленинъ, назначенный ея директоромъ, доставилъ Крылову мѣсто помощника библіотекаря. Вслѣдъ за этимъ, Государь Императоръ приказалъ производить ему изъ собственнаго кабинета пенсію, состоявшую изъ тысячи пяти сотъ рублей.

Императоръ Александръ ободрялъ и покровительствовалъ народному стихотворцу. — Въ день открытія библіотеки, Крыловъ читалъ безподобную свою басню: *Водолазы*. Потомъ

въ бывшихъ трехъ-годовыхъ собраніяхъ, снова приводилъ въ восторгъ посѣтителей геніяльными произведеніями пера своего.

Занимая казенную квартиру въ верхнемъ этажѣ библіотеки, противъ гостиннаго двора, Крыловъ продолжалъ писать басни, живя совершеннымъ философомъ. Все вокругъ него, мебель, книги, вещи, лежавшія на нихъ, покрыто было пылью, такъ, что не безъ затрудненія можно было сѣсть подлѣ него. — Лѣтомъ къ нему влетали въ вѣчно растворенную форточку голуби, располагались на шкафахъ, окнахъ, стульяхъ, какъ въ собственныхъ гнѣздахъ; онъ любовался ими, любилъ прислушиваться къ нѣжному

ихъ воркованью, угощалъ всегда гостей своихъ мякишемъ, и въ кругу ихъ находился какъ въ собственной семьѣ. Соръ, перья, пухъ, дополняли картину домашняго его быта.

ГЛАВА IV.

Маскарадъ у Ея Высочества Великой Княгини Елены Павловны. — Какъ былъ одѣтъ Крыловъ въ этомъ маскарадѣ и какіе произнесъ онъ стихи. — Пушкинъ. — Еще придворный маскарадъ. — Необыкновенныя способности Крылова. — Какимъ образомъ на шестидесятомъ году выучился онъ греческому языку. — Разговоръ съ С. Н. Глинкою. — Непредвидѣнный казусъ съ греческими классиками.

Изъ скромнаго своего жилища, Крыловъ переходилъ иногда въ великолѣпные дворцы нашего Государя, который во все время жизни поэта не переставалъ

награждать его монаршими своими милостями. Въ 1830 году, Иванъ Андреевичъ, по желанію Великой Княгини Елены Павловны, явился въ очаровательномъ маскарадѣ, данномъ ихъ Императорскими Высочествами. Наряженный Таліею, одною изъ девѣти музъ, Крыловъ произнесъ тогда Государю и Государынѣ слѣдующіе прекрасные стихи:

Про дѣдушку идетъ худая слава,
Что, будто, я весьма дурнаго нрава,
И, будто, вся моя забава
Расцѣнивать людей и на смѣхъ подымать.
Коль правду говорить, молва такая права:
Люблю, гдѣ случай есть, пороки пощипать,
Все лучше таки ихъ немножко унимать.
Однакожь здѣсь, я сколько ни глядѣла,
Придраться не-кчему, а это жаль: — безъ дѣла

Я, право, ужь боюсь, чтобы не потолстѣла (*).
Какое-жь диво въ томъ?
Для добрыхъ только Вашъ гостепріименъ домъ
И Вы однимъ Своимъ небеснымъ взоромъ
Прочь гоните порокъ со всѣмъ его приборомъ.
Такъ! вижу только я здѣсь рѣзвость, игры, смѣхъ,
А это не порокъ, спросите хоть у всѣхъ,
Кчему-жь мнѣ по-пусту на ссору накупаться
И злые выпускать стихи?
Нѣтъ, нѣтъ, пора уняться,
А то еще меня осудятъ женихи,
И придетъ вѣкъ мнѣ въ дѣвушкахъ остаться.
Брюзжала я, теперь хочу полюбоваться,
Что есть завидная семья
Великая и славою и властью

(*) Такъ-какъ Крыловъ былъ очень толстъ, то опасеніе его сдѣлаться еще тучнѣе здѣсь чрезвычайно забавно.

И въ ней пріютъ семейственному счастью.
Такъ, на нее любуюсь я,
Живущимъ въ хижинѣ, сказала бъ справедливо:
Живите, какъ живутъ въ семьѣ прекрасной сей,
И даже, въ хижинѣ своей,
Вы рай увидите и будете счастливы.

Пушкинъ, также удостоившійся чести быть приглашеннымъ на этотъ вечеръ, явился туда въ костюмѣ Цыклопа. (Цыклопы, какъ вы, можетъ быть, знаете изъ миѳологіи, имѣли одинъ только глазъ посреди лба). Пушкинъ прочелъ Ихъ Императорскимъ Величествамъ слѣдующіе стихи:

Языкъ и умъ теряя разомъ,
Гляжу на Васъ единымъ глазомъ:
Единый глазъ въ главѣ моей.
Когда бъ судьбы того хотѣли,

Когда бъ имѣлъ я сто очей,
То всѣ бы сто на Васъ глядѣли.

Въ другомъ придворномъ маскарадѣ, данномъ въ 1836 году Государемъ Императоромъ, нашъ баснописецъ представлялъ кравчаго, въ русскомъ кафтанѣ, шитомъ золотомъ, въ красныхъ сапогахъ, сѣдой бородѣ, и прочелъ Августѣйшимъ хозяевамъ *послѣднюю* свою басню: *Вельможа*, написанную въ 1835 году.

Во все продолженіе жизни своей, Крыловъ имѣлъ счастіе пользоваться личнымъ благоволеніемъ и ласками всѣхъ особъ Императорской Фамиліи.

Государыня Императрица, Александра Ѳеодоровна, не разъ присылала

ему букеты цвѣтовъ, которые хранилъ онъ до послѣдней минуты кончины, какъ святыню. Подобное расположеніе оказываемо было ему покойною Государынею Маріею Ѳеодоровною. Она часто изъявляла желаніе видѣть его у себя въ Павловскѣ. Памятникомъ пребыванія поэта у Государыни, осталась для насъ его басня *Василекъ*, которую однажды Ея Величество нашла, по отъѣздѣ его, въ одномъ изъ альбомовъ, разложенныхъ на столахъ *розоваго павильона*.

Съ огромнымъ поэтическимъ талантомъ, открывшимся еще, какъ вы видѣли, въ дѣтствѣ, Крыловъ получилъ отъ природы самый здравый, самый острый умъ.

Чтобы показать до какой степени природа надѣлила его способностями, стоитъ разсказать вамъ какимъ образомъ на шестидесятомъ году онъ выучился греческому языку.

Когда-то разговорились у Оленина о трудностяхъ начать изученіе древнихъ языковъ въ преклонныхъ лѣтахъ; Крыловъ оспоривалъ это мнѣніе и, желая представить доказательство своихъ словъ, дома, почти шутя, принялся онъ за греческій языкъ. Безъ помощи учителя, въ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ могъ уже читать на немъ, и однажды неожиданно изумилъ споривщихъ съ нимъ нѣкогда пріятелей.

Изъ этого не заключайте однако, что Крылову все доставалось легко и безъ

труда; легкіе стихи его требовали многихъ неусыпныхъ бдѣній и стоили ему долговременной работы. Басня *Дубъ и Трость* была предѣлываема покрайней-мѣрѣ десять разъ, пока онъ рѣшился напечатать ее въ томъ видѣ, въ какомъ она представляется вамъ теперь въ полномъ собраніи его басень. — Находясь почти въ старости, онъ не переставалъ учиться. Разъ какъ-то зашелъ къ нему, въ эту эпоху его жизни, С. Н. Глинка и засталъ, по обыкновенію, своего стараго пріятеля лежащаго на диванѣ съ книгою въ рукахъ. То были басни Эзопа. «Вы снова перечитываете Эзопа?» спросилъ его С. Н. Глинка. «Учусь у него», отвѣчалъ Иванъ Андреевичъ.

Здѣсь кстати разскажу вамъ забавный анекдотъ. Греческіе классики, по которымъ учился Крыловъ, были уложены имъ на полу, подъ кроватью; онъ доставалъ оттуда, по надобности, того или другаго автора, когда ему приходило желаніе читать по гречески. Достигнувъ цѣли своей, онъ никогда уже не протягивалъ руки подъ кровать, гдѣ толстый слой пыли покрылъ наконецъ старинные томы. Спустя нѣсколько лѣтъ, вспомнивъ однажды о своей греческой библіотекѣ, Крыловъ протянулъ было по привычкѣ туда руку, но ничего не нашелъ, кромѣ пыли. Кухарка его, замѣтивъ, что эти книги валяются безъ всякаго употребленія, придумала имъ полезное назначеніе: каждый разъ,

когда приходилось ей топить печь въ комнатѣ Ивана Андреевича, она разрывала по книжкѣ и подкладывала листы подъ дрова вмѣсто березовой коры.

ГЛАВА V.

Какую любилъ вести жизнь Иванъ Андреевичъ. — Стихи къ А. Н. Оленину. — Любимые привычки. — Крыловъ въ обществѣ. — Что въ особенности любилъ Крыловъ. — О привычкѣ ужинать. — Безпечность и присутствіе духа.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ велъ жизнь большею частію тихую и спокойную. Не любя движенія, онъ проводилъ обыкновенно время лежа на диванѣ, занимаясь чтеніемъ и куря трубку или сигару. Даже лѣтомъ предпочиталъ онъ

оставаться въ городѣ, и только изрѣдка ѣзжалъ на дачу къ А. Н. Оленину.

Храня во все продолженіе жизни своей безпримѣрную признательность къ А. Н. Оленину, онъ высказалъ разъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній все свое къ нему чувство. Посылая экземпляръ басень, вотъ что онъ написалъ ему, и послѣ напечаталъ въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ*.

Прими, мой добрый Меценатъ,
Даръ благодарности моей и уваженья.
Хоть въ нашъ блестящій вѣкъ, я слышалъ говорятъ,
Что благодарность есть лишь чувство униженья;
Хоть, можетъ быть, инымъ я страненъ покажусь —
Но благодарнымъ быть никакъ я не стыжусь.
И въ простотѣ сердечной

Готовъ всегда и всѣмъ сказать, что, на меня
Щедротъ монаршихъ лучь склоня,
Лѣнивой музѣ и безпечной
Моей — ты крылья подвязалъ.
И, можетъ, безъ тебя бъ мой слабый даръ завялъ
Безвѣстенъ, безъ плода, безъ цвѣта,
И я бы умеръ весь для свѣта.
Но нынѣ, если смерть свою переживу,
Кого, коль не тебя, виной въ томъ назову?
При мысли сей мое живѣе сердце бьется.
Прими жь мой скромный даръ теперь
И вѣрь,
Что благодарностью, не лестью онъ дается.

Крыловъ былъ роста высокаго, собою тученъ; добродушіе и безпечность были всегда отличительными его чертами. Онъ не обращалъ вниманія на свою одежду; волоса имѣлъ всегда всклоко-

ченные; въ обществахъ всегда почти хранилъ молчаніе; но когда вступалъ въ разговоръ — восхищалъ слушателей даромъ слова и остротою. Никогда не отзывался дурно о комъ бы то ни было, и кололъ только въ басняхъ, комедіяхъ и журналахъ, стараясь исправлять порочныхъ и достойныхъ посмѣянія. — Одна изъ слабостей Крылова была страсть хорошо поѣсть. Однажды на вечеринкѣ у покойнаго Алексѣя Алексѣевича Перовскаго, зашла рѣчь въ присутствіи нашего баснописца о привычкѣ ужинать; нѣкоторые изъ гостей говорили, что довольствуются только обѣдомъ, другіе, что давно перестали ужинать, третіе, что думаютъ перестать; Крыловъ, примолвилъ тогда, накладывая на свою тарелку

кушанье: «А я, какъ мнѣ кажется, ужинать перестану въ тотъ день, съ котораго перестану обѣдать». Въ другое время за обѣденнымъ столомъ у Государыни Маріи Ѳеодоровны, сидѣвшій подлѣ него извѣстный писатель Капнистъ, сочинитель комедіи: *Ябеда*, сказалъ ему на ухо: «Ты ѣшь за десятерыхъ, откажись хотъ отъ одного блюда. Развѣ ты не замѣчаешь, что Императрица безпрестанно на тебя смотритъ и желала бы поподчивать». — «*Ну, а если не поподчиваетъ*», отвѣчалъ Крыловъ, продолжая угощать себя (*).

(*) Библіотека для чтенія, 1845 года, часть первая.

Впрочемъ, неумѣренная эта страсть была почти причиною ускоренія его смерти. Предсмертная болѣзнь его произошла отъ несваренія пищи въ желудкѣ.

Много было оригинальнаго въ этомъ человѣкѣ, въ его образѣ мыслей и привычкахъ. Спокойствіе, доходившее у него до неподвижности, составляло первую его потребность. Читая, или просто сидя въ размышленіи, онъ обыкновенно не выпускалъ изо-рта трубку или сигарку. Во время разговора трубка потухала у него безпрестанно; тогда онъ звонилъ. Входила служанка съ зажженою восковою свѣчею, которую приносила безъ подсвѣчника. Она накапывала на овальный столъ краснаго дерева, предъ нимъ находившійся, воску и укрѣпляла та-

кимъ образомъ свѣчу, — что повторялось почти ежеминутно. Послѣ изобрѣтенія химическихъ зажигательныхъ спичекъ онъ уже никого не безпокоилъ (*).

Безпечность и хладокровіе Ивана Андреевича вполнѣ выражаются анекдотомъ, случившимся съ нимъ, когда онъ жилъ на Васильевскомъ Островѣ въ первой линіи въ домѣ Блинова (послѣднее жилище знаменитаго нашего баснописца).

Въ 1842 году загорѣлся домъ смѣжный съ его домомъ. — Напрасно, окружавшіе Крылова, уговаривали его спасать имущество отъ угрожавшей опасности: онъ преспокойно спросилъ себѣ чашку

(*) Современникъ, No. 1, 1845 года.

чаю; пилъ какъ нельзя медленнѣе, и вышелъ на улицу не прежде, какъ выкуривъ до конца сигарку. — Посмотрѣвъ на пожаръ, онъ произнесъ съ обычнымъ своимъ хладнокровіемъ: «*не для чего перебираться*», и тотчасъ же отправился опять на мягкій свой диванъ.

ГЛАВА VI.

Какіе отвѣты далъ Иванъ Андреевичъ на два очень щекотливые вопроса. — Отношенія его къ Жуковскому и Пушкину. — Комплиментъ. — Какъ маленькія дѣти смотрѣли чрезъ заборъ на дѣдушку Крылова, и какое удовольствіе они тѣмъ ему доставили. — Анекдотъ о картинѣ. — Какъ Иванъ Андреевичъ ушатомъ поливалъ одну дорогую книгу и по какому случаю. — Гнѣдичъ.

Трудно найти человѣка, который бы, не смотря на славу, окружавшую его, былъ столько скроменъ, сколько Иванъ Андреевичъ. Милостивое вниманіе Мо-

нарховъ, общее уваженіе всѣхъ знаменитѣйшихъ сановниковъ, литераторовъ и людей славныхъ Россіи, заставило бы непремѣнно человѣка съ меньшимъ даже талантомъ мечтать о себѣ какъ о геніѣ; но Крыловъ сохранялъ всегдашнюю простоту свою и не былъ ни мало гордъ, ни самолюбивъ. — Доказательствомъ его скромности служитъ отвѣтъ, сдѣланный имъ по случаю письма, присланнаго ему изъ Парижа, издателями Біографическаго Словаря Достопамятныхъ Людей: «*пускай пишутъ обо мнѣ, что хотятъ*», сказалъ онъ пріятелямъ своимъ, убѣждавшимъ его исполнить требованіе французскихъ ученыхъ; и только послѣ неотступныхъ просьбъ самыхъ приближенныхъ лю-

дей, согласился изложить нѣкоторыя черты изъ жизни своей. — Другой отвѣтъ его, сказанный одной дамъ, которой обязаны мы любопытнѣйшими подробностями о немъ, еще болѣе выказываетъ скромность поэта: «Проявлялся-ли — спросила она его — въ младенчествѣ вашемъ геній?» — «*И, матушка* — произнесъ онъ — *я былъ дитя какъ и всѣ; игралъ, рѣзвился, учился не отлично; иногда даже меня и сѣкали*»...

Крыловъ также не былъ подверженъ зависти, возбуждающейся успѣхами собратій-литераторовъ; напротивъ того, онъ лучше и снисходительнѣе другихъ судилъ о высокихъ

талантахъ Пушкина и Жуковскаго, и кромѣ этого, постоянно сохранялъ къ нимъ въ душѣ чувство братства и дружбы. Шутя и любезничая съ ними, онъ бывалъ пріятно остроуменъ. Разъ, на вечерѣ у Жуковскаго, онъ что-то безпрестанно рылся у него на письменномъ столѣ. — «Что вамъ угодно, Иванъ Андреевичъ?» спросилъ его хозяинъ дома. — «Да, вотъ какое обстоятельство» отвѣчалъ Крыловъ: — «надобно закурить трубку; у себя дома я рву обыкновенно для этого первый попадающійся мнѣ подъ руку листъ; а здѣсь, нельзя такъ: вѣдь здѣсь за каждый лоскутокъ написанной бумаги, если разорвешь

его, придется отвѣчать передъ потомствомъ».

Въ числѣ множества воспоминаній Крылова, многія были для него весьма драгоцѣнны. Однажды, лѣтомъ, прогуливаясь въ отдаленной части города, зашелъ онъ въ узкую улицу, гдѣ передъ домиками были расположены не большіе садики. Проходя мимо одного изъ нихъ, онъ замѣтилъ, что тамъ играли дѣти, въ присутствіи какой-то пожилой женщины, вѣроятно ихъ матери. — Крыловъ прошелъ мимо, но потомъ, какъ-то случайно обернувшись назадъ, увидѣлъ, что дѣти влѣзли на заборъ палисадника, и дама каждому изъ нихъ по-очередно по-

казывала на него пальцемъ. Это, по видимому, ничтожное обстоятельство, болѣе другихъ было памятно Крылову. — Онъ считалъ славу эту гораздо выше той, которую воздавали ему въ свѣтѣ.

Пушкинъ напечаталъ о Крыловѣ анекдотъ, выражающій вполнѣ безпечность и хладокровіе нашего баснописца. — Надъ диваномъ, гдѣ онъ обыкновенно покоился, висѣла въ тяжелой рамѣ масляная картина; одинъ изъ гвоздей, поддерживавшихъ ее, давно уже перержавѣлъ, сломался, и картина угрожала упасть всею своею тяжестію на его голову. Кто-то замѣтилъ ему это, но Крыловъ не сдвинулся съ мѣста и

увѣрялъ, что рамка при наденіи должна была непременно описать косвенную линію, слѣдовательно никакъ не могла нанести ему вреда. Не смотря однако на такую безпечность и неповоротливость, у него всегда оставалось довольно присутствія духа, чтобы поправиться.

Вотъ забавный анекдотъ, разсказанный въ *Современникѣ*, одномъ изъ нашихъ литературныхъ журналовъ: « Какъ-то Крыловъ выпросилъ у Оленина дорогую и рѣдкую книгу на домъ къ себѣ для прочтенія. Это было роскошное описаніе Египта, которое составлено во время Наполеона. По утру, за своимъ кофе, усѣвшись на придѣланномъ подлѣ окна возвышеніи, гдѣ стоялъ маленькій

столикъ, Крыловъ положилъ на него книгу и, поддерживая ее рукою, любовался прелестными, гровюрами приложенными къ тексту. Вдругъ стулъ покачнулся. Усиливаясь сохранить равновѣсіе, въ торопяхъ онъ схватился рукою за блюдечко; чашка опрокинулась на книгу — и разогнутые листы фоліанта облиты были кофе. Въ то же мгновеніе Крыловъ бросился на кухню, отдѣлявшуюся узкимъ корридорчикомъ отъ залы, гдѣ случилось несчастіе; схватилъ ушатъ съ остававшеюся въ немъ водою, втащилъ его въ залу — и, кинувъ разогнутую книгу на полъ, сталъ ведромъ поливать ее изъ ушата. Служанка, видѣвшая все это изъ кухни и корридора, опрометью бросилась на верхъ

къ Гнѣдичу, призывая его на помощь и давая намеками чувствовать, что Иванъ Андреевичъ не въ своемъ умѣ. Гнѣдичъ, пересказывая объ этомъ, театрально говаривалъ такъ: «Вхожу; на полу море; Крыловъ съ поднятымъ ведромъ льетъ на книгу воду. Я въ ужасѣ кричу. Онъ продолжаетъ». Наконецъ опорожнивъ ушатъ, Крыловъ изъяснилъ Гнѣдичу, что безъ воды не было никакого способа вывести пятна кофе изъ книги, на которой, въ самомъ дѣлѣ, когда она просохла, ничего не осталось замѣтнаго, кромѣ желтой полоски по краямъ страницъ».

Приведенные мною разсказы драгоцѣнны. Они такъ близко знакомятъ насъ съ жизнію и характеромъ Ивана

Андреевича Крылова. — Все, чѣмъ бы хотѣлось теперь пополнить его біографію неизвѣстно; только самъ онъ могъ снабдить подробностями этими старинаго друга своего Гнѣдича, который, скончавшись, къ несчастію, еще при жизни Крылова, унесъ ихъ съ собою въ могилу.

ГЛАВА VII.

Дѣдушкѣ Крылову минуло семдесять лѣтъ. — Какой праздникъ вздумали дать въ честь ему русскіе литераторы. — Медаль. — Юбилей. — Высочайшая милость. — Какіе стихи написалъ князь Вяземскій въ честь дѣдушки Крылова. — Что̀ сказали В. А. Жуковскій и князь Одоевскій. — Что̀ еще происходило на праздникѣ дѣдушки.

Наканунѣ памятнаго по многимъ отношеніямъ для русской литературы 1837 года у князя В. Ѳ. Одоевскаго собрались гости по старому обычаю встрѣтить новый годъ. На эти вечера обык-

новенно собирались: А. С. Пушкинъ, В. А. Жуковскій, князь П. А. Вяземскій, графъ М. Ю. Віельгорскій, П. А. Плетневъ, Карлгофъ, В. А. Каратыгинъ и многіе другіе ученые, литераторы и художники, а послѣ 12 часовъ, встрѣтивъ новый годъ у А. Н. Оленина, являлся и дѣдушка Крыловъ, для котораго нарочно приготовлялся жирный холодный поросенокъ — блюдо, которое Иванъ Андреевичъ особенно жаловалъ.

Толкуя объ ожидаемомъ гостѣ, котораго издавна въ этой дружеской бесѣдѣ называли дѣдушкой, П. А. Плетневъ замѣтилъ, что онъ въ одномъ старомъ журналѣ отъискалъ первое стихотвореніе, напечатанное Иваномъ Ан-

дреевичемъ, что въ 1838 году этому исполнится 50 лѣтъ — и что не худо бы отпраздновать это пятидесятилѣтіе нашего литературнаго ветерана. — Эта мысль была принята съ восхищеніемъ и положено было держать ее въ секретѣ, но въ послѣдствіи на субботахъ князя Одоевскаго часто возвращались къ сей мысли, придумывая гдѣ и какъ лучше учредить торжество; общее участіе, возбужденное этою мыслію, заставило въ концѣ 1837 года приняться за дѣятельныя мѣры для ея осуществленія. Положили каждому взять на себя какую либо часть этаго празднества; князь П. А. Вяземскій импровизировалъ однажды два послѣдніе стиха, составившіе въ послѣдствіи припѣвъ къ куплетамъ

въ честь дѣдушки Крылова; графъ М. Ю. Віелгорскій вызвался написать на нихъ музыку; В. А. Жуковскій, П. А. Плетневъ, князь В. Ѳ. Одоевскій и покойный Карлгофъ приняли на себя остальныя распоряженія, а общее начальство поручили покойному А. П. Оленину, старому другу Ивана Андреевича.

Доведено было о томъ до свѣдѣнія господина Министра Народнаго Просвѣщенія С. С. Уварова, который на сіе празднество исходатайствовалъ Высочайшее Государя Императора соизволеніе.

Открылась подписка. Билеты были разосланы ко всѣмъ находящимся въ Петербургѣ литераторамъ и сверхъ того

положены въ книжномъ магазинѣ Смирдина. На собранныя деньги въ послѣдствіи вычеканена была медаль.

Торжество происходило въ концертной залѣ Дворянскаго Собранія, бывшей въ то время въ домѣ Енгельгардта, 2-го Февраля 1838 года; въ сей день исполнилось Ивану Андреевичу 70 лѣтъ.

Около пяти часовъ съѣхались туда значительнѣйшіе члены государства, ученые, литераторы и почитатели таланта великаго нашего баснописца; всего числомъ до трехъ сотъ человѣкъ. Въ пять часовъ явился самъ г. Министръ Народнаго Просвѣщенія и прочелъ грамоту, которою Его Императорское Величество всемилостивѣйше жаловалъ Ивану

Андреевичу орденъ Святаго Станислава второй степени со звѣздою.

Началось угощеніе *демьяновою ухою* и *крыловскою кулебякою*; хоры пестрѣли дамами; оркестръ, составленный изъ отборныхъ музыкантовъ, придавалъ празднеству еще болѣе торжественности. Крыловъ сидѣлъ противъ своего бюста и столика, покрытаго краснымъ сукномъ, съ золотою бахрамою, на которомъ лежали басни и всѣ сочиненія его, напечатанныя отдѣльно и въ разныхъ журналахъ. Ихъ окружали цвѣты и лавровые вѣнки. По-серединѣ обѣда, главный распорядитель торжества, А. Н. Оленинъ, предложилъ тостъ за здравіе Государя; второй тостъ былъ предложенъ господиномъ Министромъ Народ-

наго Просвѣщенія за здравіе великаго народнаго поэта: въ самое это время, извѣстный пѣвецъ нашъ, Петровъ, запѣлъ слѣдующіе стихи, сочиненные княземъ Вяземскимъ, и на музыку графа М. Ю. Віелгорскаго.

На радость полу-вѣковую
Скликаетъ насъ веселый зовъ:
Здѣсь съ музой свадьбу золотую
Сегодня празднуетъ Крыловъ.
На этой свадьбѣ всѣ мы сватья
И не кчему таить вину,
Всѣ за одно, всѣ безъ изъятья
Мы влюблены въ его жену.

Длись счастливою судьбою,
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй, съ милою женою,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

И этотъ бракъ былъ не безплодный!
Самъ Фебъ его благословилъ!

Потомству нашъ поэтъ народный
Свое потомство укрѣпилъ.
Изба его дѣтьми богата
Подъ сѣнью брачнаго вѣнца.
И дѣти — славные ребята!
И дѣти всѣ умны — въ отца.

Длись судьбами всеблагими
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй, съ дѣтками своими,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Мудрецъ игривый и глубокій,
Простосердечное дитя,
И *догкамъ* онъ давалъ *уроки*,
И батюшекъ училъ шутя.
Искусствомъ ловкаго обмана
Гдѣ и кольнетъ изъ подъ пера:
Тамъ *Петръ киваетъ на Ивана*,
Иванъ киваетъ на Петра.

Длись счастливою судьбою,
Нить любезныхъ намъ годовъ!

Здравствуй, съ милою женою,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Гдѣ нужно, онъ навесть умѣетъ
Свое волшебное стекло,
И въ зеркалѣ его яснѣетъ
Суровой истины чело.
Весь міръ въ рукахъ у чародѣя,
Всѣ твари дань ему несутъ:
По дудкѣ нашего Орфея
Всѣ звѣри пляшутъ и поютъ.

Длись судьбами всеблагими,
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй, съ дѣтками своими,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Забавой онъ людей исправилъ,
Сметая съ нихъ пороковъ пыль:
Онъ баснями себя прославилъ
И слава эта — наша быль.
И не забудутъ этой были
Пока по русски говорятъ:

Ее давно мы затвердили,
Ее и внуки затвердятъ.
Длись счастливою судьбою,
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй, съ милою женою,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Чего ему намъ пожелать бы?
Чтобы отъ свадьбы *золотой*
Онъ дожилъ до *алмазной* свадьбы,
Съ своей столѣтнею женой.
Онъ такъ безпечно, такъ досужно,
Прошелъ со славой долгій путь,
Что до ста лѣтъ не будетъ нужно
Ему прилечь и отдохнуть.
Длись судьбами всеблагими,
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй, съ дѣтками своими,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Стихи эти были повторены по общему требованію, и собраніе снова пило здоровье поэта.

Третій тостъ, *за славу и благоденствіе Россіи и за успѣхи русской словесности*, былъ предложенъ славнымъ нашимъ поэтомъ В. А. Жуковскимъ, который присовокупилъ къ тому не большую похвальную рѣчь.

Хотите ли знать, дѣти, что сказалъ нашъ знаменитый поэтъ? Рѣчь его была изліяніемъ непритворной и глубокой благодарности за великія заслуги, оказанныя дѣдушкой своему отечеству и каждому изъ его гражданъ.

«Мы благодаримъ васъ — сказалъ онъ — во первыхъ *за самихъ себя*: за столь многія счастливыя минуты, про-

веденныя въ бесѣдѣ съ вашимъ геніемъ; благодаримъ за *нашихъ юношей* прошлаго, настоящаго и будущихъ поколѣній, которыя съ вашимъ именемъ начали и будутъ начинать любить отечественный языкъ, понимать изящное и знакомиться съ чистою мудростію жизни; благодаримъ за *русскій народъ*, которому въ стихотвореніяхъ своихъ вы такъ вѣрно высказали его умъ и съ такою прелестію дали столько глубокихъ наставленій; наконецъ благодаримъ васъ и за знаменитость вашего имени: оно сокровище отечества и внесено имъ въ лѣтописи его славы»...

Поэтъ окончилъ рѣчь свою такимъ образомъ: «Заключу жела-

ніемъ, которое да исполнитъ провидѣніе, чтобы вы, патріархъ нашихъ писателей, продолжали многіе годы наслаждаться цвѣтущею старостію и радовать насъ произведеніями творческаго ума своего, для котораго еще не было и никогда не будетъ старости. Оглядываясь спокойнымъ окомъ на прошедшее, продолжайте извлекать изъ него тѣ поэтическіе уроки мудрости, которыми такъ давно и такъ плѣнительно поучаете вы современниковъ, уроки, которые дойдутъ до потомства, и никогда не потеряютъ въ немъ своей силы и свѣжести: ибо они обратились въ народныя пословицы, а народныя пословицы живутъ съ народами и ихъ переживаютъ.»

За тѣмъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Блудовъ, прочелъ стихи, написанные, по этому случаю, господиномъ Бенедиктовымъ.

Въ заключеніе, князь Одоевскій провозгласилъ тостъ: *за здоровье присутствующихъ*, и произнесъ дѣдушкѣ привѣтствіе отъ младшаго литературнаго поколѣнія, которое училось читать по его баснямъ.

Вы вѣрно захотите знать также и то, что сказалъ князь Одоевскій. Я удовлетворю вашему любопытству:

«Я принадлежу къ тому поколѣнію, которое училось читать по вашимъ баснямъ, и до сихъ поръ перечитываетъ ихъ съ новымъ, всегда свѣжимъ наслажденіемъ. Мы еще были въ колыбели,

когда ваши творенія уже сдѣлались дорогою собственностію Россіи и предметомъ удивленія для иноземцевъ; отъ раннихъ лѣтъ мы привыкли не отдѣлять вашего имени отъ имени нашей словесности. Существуютъ произведенія знаменитыя, но доступныя лишь тому или другому возрасту, бо́льшей или меньшей степени образованности; не много такихъ, которыя близки человѣку во всѣхъ лѣтахъ, во всѣхъ состояніяхъ его жизни: ваши стихи, во всѣхъ концахъ нашей величественной родины, лепечетъ младенецъ, повторяетъ мужъ, воспоминаетъ старецъ; ихъ произноситъ простолюдинъ какъ уроки положительной мудрости, ихъ изучаетъ литераторъ, какъ образцы

остроумной поэзіи, изящества и истины».

«Примите же дань благодарности отъ лица младшихъ дѣлателей на томъ поприщѣ, которое вы проходите съ такою честію для васъ и для русскаго слова; пусть долго, долго вашъ примѣръ будетъ намъ путеводителемъ, пусть новыми вашими твореніями вы обогатите, если не славу вашу, то покрайней-мѣрѣ сокровище тѣхъ высокихъ ощущеній, которыя порождаются въ людяхъ только произведеніями высокаго искусства. Голосъ нашей признательности исчезаетъ въ общемъ голосѣ нашихъ соотчичей, но это чувство въ насъ тѣмъ живѣе, что для насъ прелесть старины и младенческихъ во-

споминаній возвышается наслажденіемъ видѣть въ лицо знаменитаго современника, быть очевидными свидѣтелями его нравственной доблести; для насъ память ума соединяется съ памятью сердца»...

Нельзя описать вамъ вполнѣ общаго энтузіазма посѣтителей; восклицаніямъ и восторгамъ не было конца; дамы, помѣстившіяся на хорахъ, вышли къ балюстрадѣ съ рюмками шампанскаго, и когда Иванъ Андреевичъ всталъ съ своего мѣста, благодарить ихъ, онѣ осыпали его цвѣтами. Всѣ, съ какимъ-то благоговѣніемъ, подходили къ дѣдушкѣ Крылову, цѣловали его, и изъявляли ему признаки живѣйшаго почитанія и уваженія; въ свою очередь

почтенный старецъ былъ тронутъ до глубины души, слезы катились изъ глазъ его, онъ не зналъ какъ благодарить своихъ соотечественниковъ.

ГЛАВА VIII.

Переселеніе на Васильевскій Островъ. — Смерть А. Н. Оленина. — Какъ и съ кѣмъ проводилъ дѣдушка Крыловъ послѣдніе годы своей жизни. — Болѣзнь. — Смерть. —

Увѣнчанный при жизни славою, Крыловъ не долго жилъ послѣ своего юбилея: постигшій его за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ параличь ослабилъ физическія силы почтеннаго старца. Въ 1841 году вышелъ онъ въ отставку, съ сохраненіемъ пенсіона, получаемаго имъ изъ Кабинета, и съ увеличеніемъ другаго

пенсіона, ассигнованнаго изъ казначейства, и переселился на Васильевскій Островъ въ первую линію.

Послѣднія годы жизни своей Иванъ Андреевичъ провелъ почти въ одиночествѣ; А. Н. Оленинъ, ближайшій другъ его, скончался, и потому онъ еще рѣже сталъ выѣзжать, предпочитая оставаться дома и лежать на диванѣ. Старость не была ему въ тягость; она не привела съ собою болѣзней и слабостей; онъ былъ болѣе тученъ, нежели дряхлъ. — Не смотря на однообразіе жизни, Крыловъ никогда не жаловался на скуку, и всегда старался самъ найти для себя развлеченіе. — Ближайшій сосѣдъ его былъ тогда, начальникъ штаба всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, Я. И. Ростовцевъ,

котораго онъ избралъ въ послѣдствіи себѣ въ душеприкащики и который услаждалъ послѣднія минуты стараго поэта.— Вотъ что говоритъ объ этой эпохѣ его жизни сочинительница біографіи Крылова, помѣщенной въ журналѣ *Звѣздочка*, и послужившей намъ главнымъ матеріяломъ при составленіи нашей книги: «Теперь ему 75 лѣтъ. Онъ усыновилъ семейство одной своей крестницы, благотворитъ и печется о немъ. Его окружаютъ малютки; они любятъ и ласкаютъ его, какъ бы желая возблагодарить за пользу, которую онъ приноситъ всѣмъ дѣтямъ на Руси. Онъ же особенно любитъ изъ дѣтей своей крестницы одну маленькую дѣвочку, Надиньку, которую самъ нау-

чилъ читать и которою особенно занимается».

Предсмертная болѣзнь его, послѣдовавшая, какъ я сказалъ выше, отъ несваренія пищи въ желудкѣ, продолжалась нѣсколько дней. — Помощь врачей, не смотря на ихъ старанія, оказалась недѣйствительною. Наука не могла отклонить того, что предназначено было судьбою!

Въ эти дни Я. И. Ростовцовъ не покидалъ больнаго, который, чувствуя приближеніе кончины, не падалъ духомъ и не оказывалъ ни малѣйшаго знака малодушія; напротивъ, онъ казался чрезвычайно спокойнымъ, и еще за нѣсколько часовъ до кончины, разговаривая съ Яковомъ Ивановичемъ, сравни-

валъ себя съ крестьяниномъ, который наваливъ излишнюю тяжесть на телегу, никакъ не думалъ обременить тѣмъ свою клячу, потому только, что рыба была сушеная.

Наконецъ Я. И. Ростовцовъ, желая приготовить друга своего къ кончинѣ, спросилъ его какъ-то случайно: «Не мнительны-ли вы, Иванъ Андреевичъ?» — «Я?» отвѣчалъ онъ: «а вотъ я вамъ разскажу, какъ я не мнителенъ. Давно какъ-то, лѣтъ сорокъ назадъ, я почувствовалъ онѣмѣніе въ пальцахъ одной руки. Показываю доктору. Онъ спрашиваетъ меня, какъ вы: не мнителенъ-ли я? Нѣтъ, говорю. Такъ у васъ, продолжалъ онъ, будетъ параличь. Да, нельзя-ли помочь? спросилъ я. Можно; вамъ

надобно всю жизнь не ѣсть мяснаго, и вообще быть какъ можно осторожнѣе.» — Какъ-же вы сдѣлали? прервалъ Яковъ Ивановичъ. — «Мѣсяца два я исполнялъ предписаніе доктора.» — Ну, а потомъ? — «А потомъ, какъ видите, до сихъ поръ все ѣмъ. Вотъ, какъ я мнителенъ» заключилъ Крыловъ.

Сохраняя память, Иванъ Андреевичъ съ тихимъ умиленіемъ встрѣтилъ своего духовника; пріобщился святыхъ таинъ и исполнилъ послѣдній долгъ, какъ слѣдуетъ каждому христіанину. Передъ самою кончиною, онъ велѣлъ перенести себя въ кресло, но почувствовавъ предсмертную минуту, сказалъ: «*тяжко мнѣ!*» Его снова уложили на постель, гдѣ испустилъ онъ послѣдній вздохъ...

Это произошло девятаго Ноября 1844 года.

Слезы блестятъ на рѣсницахъ вашихъ, милыя и добрыя дѣти, вы, которыя такъ любили дѣдушку и которому вы такъ многимъ обязаны!... Плачьте, дѣти, плачьте, и не стыдитесь вашихъ слезъ, не торопитесь отирать ихъ: слезы ваши благодатны и святы, потому-что падаютъ на гробъ одного изъ достойнѣйшихъ и полезнѣйшихъ гражданъ вашего отечества. — Міръ праху твоему, умный и добрый дѣдушка! Ты умеръ, но память твоя живетъ между нами и будетъ жить вѣчно, пока не разучимся мы читать и понимать русскую рѣчь, пока будетъ цѣниться между нами истинная заслуга, непод-

дѣльная доблесть... Живетъ твоя память въ сердцѣ человѣка, который былъ тебѣ другомъ, и въ сердцѣ того, кто никогда не видалъ тебя, но чье, при имени твоемъ, звонко откликается сердце, много сладкихъ и дорогихъ минутъ прожившее въ заочной бесѣдѣ съ тобою... Живетъ твоя память въ устахъ старца, повѣствующаго о тебѣ умиленно-внимающимъ внукамъ, и дрожитъ она въ благодарной и теплой слезѣ вступающаго въ жизнь отрока, еще недавно научившагося разбирать буквы твоего великаго имени, но затвердившаго уже наизусть твои мудрые уроки и уже полнаго къ тебѣ нелицемѣрнымъ благоговѣніемъ!

Не вы одни, дѣти, плакали, узнавъ печальную утрату, постигшую нашу ро-

дину... Быстро разлетѣлась горестная вѣсть сперва по обширной и многолюдной столицѣ, потомъ по всѣмъ концамъ русской земли. И вездѣ она была встрѣчена непритворнымъ соболѣзнованіемъ, горячими слезами!... Такъ провожаютъ въ могилу людей полезныхъ и доблестныхъ; такова невольная дань, приносимая человѣчествомъ тѣмъ, кто дѣятельною жизнію, блестящими способностями, направленными къ добру, умѣлъ заслужить общую любовь и признательность!... Не такова участь злыхъ и безполезныхъ. Ихъ при жизни иногда боятся; иногда изъ презрѣнія не обращаютъ на нихъ вниманія... Но вотъ нежданная смерть закрыла глаза праздному и развращенному сластолюбцу, ни

чѣмъ неотмѣтившему существованія своего на землѣ, безполезному для общества, вредному для тѣхъ, кто былъ въ его зависимости. Посмотрите, онъ уже умеръ, а никто не замѣчаетъ этого; никто не идетъ за гробомъ его, кромѣ двухъ-трехъ родственниковъ, да и тѣ, быть можетъ, вызваны болѣе долгомъ, нежели искреннимъ чувствомъ...

Похороны проѣхали, гробъ спущенъ въ землю, и всѣ забыли о немъ, забыли навсегда, какъ о безполезномъ камнѣ, который когда-то проѣздомъ случилось видѣть на краю дороги, и который могъ бы исчезнуть или и вовсе никогда не существовать безъ всякой потери для свѣта!...

Только истинная доблесть имѣетъ право на вниманіе людей; только истинная заслуга уживается въ памяти массъ, и только добрая дѣятельность и добрая слава доставляютъ человѣку веселую и доблестную кончину, непритворно оплакиваемую!...

Но я еще не досказалъ вамъ, дѣти, повѣсти о дѣдушкѣ Крыловѣ. Слушайте! Я возвращаюсь къ разсказу...

ГЛАВА IX.

Какъ совершалось погребеніе дѣдушки Крылова и гдѣ онъ погребенъ. — Какою почестью предположено увѣковѣчить память дѣдушки Крылова. — Подробности о памятникѣ. — Заключеніе.

Извѣстіе о кончинѣ Крылова опечалило весь городъ; кто только могъ, присутствовалъ при выносѣ его тѣла изъ церкви Исакія Далматскаго. — Между чиновниками, литераторами, учеными и отечественными знаменитостями, пришедшими отдать ему послѣдній долгъ,

виднѣлись и люди изъ простаго народа. Извѣстный проповѣдникъ, А. И. Маловъ, произнесъ надъ покойникомъ трогательную рѣчь, послѣ которой печальная толпа потянулась за гробомъ незабвеннаго поэта. Въ числѣ особъ, выносившихъ гробъ изъ церкви, находились графъ Орловъ и генералъ отъ инфантеріи И. Н. Скобелевъ. — Студенты санктпетербургскаго университета окружали гробъ, поддерживали балдахинъ и несли ордена.

Народъ во множествѣ слѣдовалъ за печальною процессіею, и не изъ простаго любопытства, какъ при обыкновенныхъ похоронахъ, нѣтъ, онъ чувствовалъ на этотъ разъ всю огромность потери своей, ибо большая часть изъ русскихъ простолю-

диновъ знаетъ басни безсмертнаго народнаго поэта, рѣдкій не чувствуетъ, хоть инстинктно, всѣхъ ихъ прелестей.

Обрядъ отпѣванія совершенъ былъ въ Александровской Лаврѣ; по окончаніи Божественной литургіи, высокопреосвященный Митрополитъ, Антоній, украсилъ голову Крылова лавровымъ вѣнкомъ, которымъ увѣнчали его въ день юбилея. На груди и сердцѣ усопшаго лежали букеты и цвѣты, которыя въ разное время были присылаемы ему Государынею Имератрицею, Александрою Ѳеодоровною. При закрытіи гроба, Министръ Народнаго Просвѣщенія положилъ туда медаль, выбитую въ память втораго Февраля 1838 года.

Останки Крылова покоятся на такъ называемомъ новомъ кладбищѣ, подлѣ друга его Гнѣдича, знаменитаго переводчика гомеровой Иліады.

Теперь открыли въ имперіи подписку, на сооруженіе памятника дѣдушкѣ.

Вы вѣрно порадуетесь, дѣти, что такъ горячо любимый вами дѣдушка удостоивается цѣлымъ русскимъ народомъ такого торжественнаго изъявленія любви и признательности? И какъ не порадоваться?... Вы такъ любите дѣдушку Крылова! Каждый русскій человѣкъ, для котораго дорога слава отечества, радуется увѣковѣченію славы народнаго поэта и глубоко благодаритъ Государя Императора, благоволившаго

изъявить всемилостивѣйшее согласіе на сооруженіе памятника Ивану Андреевичу Крылову...

Открыта подписка для собранія суммы, потребной на сооруженіе памятника дѣдушкѣ. Вы, дѣти, также можете сдѣлаться участниками общаго достохвальнаго дѣла, если вмѣсто того, чтобъ издерживать на лакомства и прихоти деньги, которыя даютъ вамъ ваши родители, будете беречь ихъ и послѣ отдадите на памятникъ дѣдушкѣ. Нужды нѣтъ, велика или мала будетъ сумма: дѣло не въ деньгахъ, а въ искренности чувства и скромное, малозначительное приношеніе бѣдняка будетъ принято также, какъ щедрая дань богатаго ревнителя отечественной славы...

Понимаете ли вы всю великость почести, которая готовится дѣдушкѣ Крылову?... Безъ всякаго сомнѣнія, вы видывали на своему вѣку памятники и имѣете понятіе объ ихъ наружной формѣ, но понимаете ли вы значеніе подобныхъ сооруженій, которыхъ удостоиваются только избранные — часто одинъ изъ мильйоновъ въ теченіе цѣлаго вѣка?..

Во всякомъ случаѣ вамъ не худо будетъ прочесть слѣдующія прекрасныя строки, которыя мы заимствуемъ для васъ изъ извѣщенія о подпискѣ на памятникъ Крылова, и которыя, между прочимъ, дадутъ вамъ еще болѣе ясное понятіе о вашемъ любимомъ писателѣ.

«Памятники, сооружаемые въ честь знаменитымъ соотечественникамъ, суть

высшія выраженія благодарности народной. Въ нихъ освящается и увѣковѣчивается память прошедшаго; въ нихъ преподается назидательный и поощрительный урокъ грядущимъ поколѣніямъ.

«Правительство, въ семейномъ сочувствіи съ народомъ, объемля просвѣщеннымъ вниманіемъ и гордою любовью всѣ заслуги, всѣ отличія, всѣ подвиги знаменитыхъ мужей, прославившихся въ отечествѣ, усыновляетъ ихъ и за предѣломъ жизни и возноситъ незыблемую память ихъ надъ тлѣнными могилами смѣняющихся поколѣній.

«Историческія эпохи въ жизни народа имѣютъ свои памятники. Димитрій Донской, Ермакъ, Пожарскій, Мининъ, Сусанинъ, Петръ-Великій, Алек-

сандръ Благословенный, Суворовъ, Румянцовъ, Кутузовъ, Барклай, въ нѣмомъ краснорѣчіи своемъ, повѣствуютъ о своей и нашей славѣ: въ неподвижномъ величіи стоятъ они на стражѣ независимости и непобѣдимости народной. Но и другія дѣянія и другіе мирные подвиги не остались также безъ вниманія и безъ народнаго сочувствія. Памятники Ломоносова, Державина, Карамзина краснорѣчиво о томъ свидѣтельствуютъ. Сіи памятники, сіи олицетворенія народной славы, разбросанныя отъ береговъ Ледовитаго-моря до восточной границы Европы, знаменіями умственной жизни и духовной силы населяютъ пространство нашего необозримаго отечества. Подобно мемноновой статуѣ, сіи памят-

ники издаютъ, въ обширныхъ и холодныхъ степяхъ нашихъ, краснорѣчивые и жизнодательные голоса подъ солнцемъ любви къ отечеству и нераздѣльной съ нею любви къ просвѣщенію.

«Подобно тремъ поименованнымъ писателямъ, и Крыловъ неизгладимо врѣзалъ имя свое на скрижаляхъ русскаго языка.

«Русскій умъ олицетворился въ Крыловѣ и выражается въ твореніяхъ его. Басни его — живой и вѣрный отголосокъ русскаго ума съ его смѣтливостью, наблюдательностью, простосердечнымъ лукавствомъ, съ его игривостью и глубокомыслiемъ, не отвлеченнымъ, не умозрительнымъ, а практическимъ и житейскимъ. Стихи его отразились род-

нымъ впечатлѣніемъ въ умъ читателей его. И кто же въ Россіи не принадлежитъ къ числу его читателей? Всѣ возрасты, всѣ званія, нѣсколько поколѣній съ нимъ ознакомились, тѣсно сблизились съ нимъ, начиная отъ воспріимчиваго и легкомысленнаго дѣтства до охладѣвшей и разсудительной старости, отъ избраннаго круга образованныхъ цѣнителей дарованія до низшихъ степеней общества, до людей мало доступныхъ обольщеніямъ искусства, но одаренныхъ природною понятливостію, и для коихъ голосъ истины и здраваго смысла, облеченный въ слово животрепещущее, всегда вразумителенъ и привлекателенъ».

Вотъ еще нѣсколько строкъ изъ того-же источника, изъ которыхъ вы узнаете гдѣ будетъ воздвигнутъ памятникъ, и нѣкоторыя другія интересныя подробности:

«Памятникъ Крылова воздвигнутъ будетъ въ Петербургѣ. И гдѣ же быть ему, какъ не здѣсь? Не здѣсь родился поэтъ, но здѣсь родилась и созрѣла слава его. Онъ былъ собственностью столицы, которая дѣлилась имъ съ Россіею. Не былъ ли онъ и при жизни своей живымъ памятникомъ Петербурга? съ нимъ живали и водили хлѣбъ-соль дѣды нашего поколѣнія, и онъ же забавлялъ и поучалъ дѣтей нашихъ. Кто изъ петербургскихъ жителей не

зналъ его по-крайней-мѣрѣ съ виду? Кто не имѣлъ случая любоваться этимъ открытымъ, широкимъ лицомъ, на коемъ отпечатлѣвалась сила мысли и отсвѣчивалась искра возвышеннаго дарованія? Кто не любовался этою могущею, обросшею сѣдыми волосами львиною головою, не даромъ приданной баснописцу, который также повелитель звѣрей, — этимъ монументальнымъ, богатырскимъ дородствомъ, напоминающимъ намъ запамятованныя времена воспѣтаго имъ Ильи Богатыря? Кто, и незнакомый съ нимъ, встрѣтя его, не говорилъ: *вотъ дѣдушка Крыловъ!* и мысленно не поклонялся поэту, который былъ близокъ каждому русскому?...

«Художнику, призванному увѣковѣчить изображеніе его, не нужно будетъ идеализировать свое созданіе. Ему только слѣдуетъ быть вѣрнымъ истинѣ и природѣ. Пусть представитъ онъ намъ подлинникъ въ живомъ и, такъ-сказать, буквальномъ переводѣ. Пусть явится передъ нами въ строгомъ и вѣрномъ значеніи слова вылитый Крыловъ. Тутъ будетъ и дѣйствительность и поэзія. Пусть сольются и въ стройномъ цѣломъ обозначатся общее и высокое понятіе объ искусствѣ и олицетворенный снимокъ съ частнаго самобытнаго образца, въ которомъ рѣзко и живописно выразились черты русской природы въ проявленіи ея вещественной и духовной жизни».

Вотъ все, что я могъ собрать для васъ, дѣти, о дѣдушкѣ Крыловѣ... Что еще сказать вамъ?...

Дѣдушка такъ много сдѣлалъ для вашего отечества и для каждаго изъ васъ, дѣти, что вы должны почитать его болѣе чѣмъ наставника; онъ первый вселилъ въ васъ любовь къ чтенію и наукамъ, которыя современемъ должны сдѣлать васъ полезными гражданами и людьми. — Храните глубоко въ душѣ вашей память о Крыловѣ, не забывайте его, дѣти; и когда наступитъ лѣто, попросите родителей вашихъ свести васъ на кладбище Александро-Невской Лавры, отъищите тамъ мѣсто, гдѣ покоится

прахъ Ивана Андреевича, и украсьте цвѣтами могилу человѣка такъ блистательно прославившаго наше отечество.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Рожденіе. — Осада Оренбурга Пугачевымъ. — Опасность, угрожавшая маленькому Крылову на пятомъ году возраста. — Смерть Андрея Прохоровича. — Какое наслѣдство оставилъ Крылову отецъ. — Какіе подарки дѣлала Крылову мать и какъ онъ ихъ употреблялъ. — Французскій Словарь. — Борьба съ французскимъ языкомъ, и какую хитрость употребила мать Крылова, чтобъ заставить его учиться по-французски. — Поступленіе на службу. — Переселеніе въ Тверь. — Переселеніе въ Петербургъ.

ГЛАВА II.

Занятія Крылова въ Петербургѣ. — Первая опера. — Какую плату предлагалъ Брейткопфъ Крылову за оперу и какой онъ попросилъ. —

Первая трагедія. — Совѣты Дмитревскаго. — Вторая трагедія. — Смерть матери. — Оперы и комедіи Крылова. — Какими журналами и сочиненіями занимался Крыловъ и какая цѣль была его трудовъ. — Отъѣздъ въ деревню съ княземъ Голицынымъ.

ГЛАВА III.

Возвращеніе въ Петербургъ. — Знакомство съ Алексѣемъ Николаевичемъ Олениннымъ. — Первая басня. — Басни, за нею послѣдовавшія. — Служба въ Публичной Библіотекѣ. — Высочайшая милость. — Какъ жилъ Крыловъ, занимая квартиру въ Публичной Библіотекѣ и какіе летали къ нему гости.

ГЛАВА IV.

Маскарадъ у Ея Высочества Великой Княгини Елены Павловны. — Какъ былъ одѣтъ Крыловъ въ этомъ маскарадѣ и какіе произнесъ онъ стихи. — Пушкинъ. — Еще придворный маскарадъ. — Необыкновенныя способности Крылова. — Какимъ образомъ на шестидесятомъ году выучился онъ греческому языку. — Разговоръ съ С. Н. Глинкою. — Непредвидѣнный казусъ съ греческими классиками.

ГЛАВА V.

Какую любилъ вести жизнь Иванъ Андреевичъ. — Стихи къ А. Н. Оленину. — Любимые привычки. — Крыловъ въ обществѣ. — Что въ особенности любилъ Крыловъ. — О привычкѣ ужинать. — Безпечность и присутствіе духа.

ГЛАВА VI.

Какіе отвѣты далъ Иванъ Андреевичъ на два очень щекотливые вопроса. — Отношенія его къ Жуковскому и Пушкину. — Комплиментъ. — Какъ маленькія дѣти смотрѣли чрезъ заборъ на дѣдушку Крылова, и какое удовольствіе они тѣмъ ему доставили. — Анекдотъ о картинѣ. — Какъ Иванъ Андреевичъ ушатомъ поливалъ одну дорогую книгу и по какому случаю. — Гнѣдичъ.

ГЛАВА VII.

Дѣдушкѣ Крылову минуло семдесять лѣтъ. — Какой праздникъ вздумали дать въ честь ему русскіе литераторы. — Медаль. — Юбилей. — Высочайшая милость. — Какіе стихи написалъ князь Вяземскій въ честь дѣдушки Крылова. — Что сказали В. А. Жуковскій и князь Одоевскій. — Что еще происходило на праздникѣ дѣдушки.

ГЛАВА VIII.

Переселеніе на Васильевскій Островъ. — Смерть А. Н. Оленина. — Какъ и съ кѣмъ проводилъ дѣдушка Крыловъ послѣдніе годы своей жизни. — Болѣзнь. — Смерть.

ГЛАВА IX.

Какъ совершалось погребеніе дѣдушки Крылова и гдѣ онъ погребенъ. — Какою почестью предположено увѣковѣчить память дѣдушки Крылова. — Подробности о памятникѣ. — Заключеніе.

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
28720-0

~~ИНВ. 35811~~
МК IV - 47332

Печатано въ типографіи Карла Крайя.